

его, прекратили преследовать отряд графа. Я подъехал к графу де Суасону, который был кузеном моей жены, и сказал ему: «Я думаю, сир, что вам стоило бы остаться и охранять этот мост, ибо, если он будет без защиты, сарацины рванутся через него, и король будет атакован с фронта и с тыла». Он спросил, останусь ли я с ним в таком случае. «Без сомнения», – ответил я. Услышав это, коннетабль наказал мне никуда не уходить до его возвращения и объяснил, что должен найти помощь для нас.

Верхом на моем надежном коне я оставался на месте, с графом Суасоном справа и Пьером де Нувилем по левую руку от меня. Внезапно сарацины рванулись к нам со стороны войск короля, которые были у нас в тылу, и один из них нанес сзади Пьеру такой жестокий удар булавой, что де Нувиль упал на шею своего коня; затем, стремглав пронесшись через мост, он оказался среди своих людей.

Когда сарацины увидели, что мы не собираемся отходить от этого моста, они пересекли потоку и разместились между ней и рекой, как это сделали мы, когда спускались вниз по течению. Мы сразу же переместились поближе к ним, чтобы быть готовыми вступить в бой, если они попытаются двинуться в сторону войск короля или пересечь наш маленький мостик.

Прямо перед нами были двое из королевских сержантов – одного звали Гийом из Буна, а другого – Жан из Гамаша. В составе тех сарацин, что расположились между ручьем и рекой, было много пеших крестьян, которые стали швырять в сержантов комья земли, но не могли заставить их отступить. Наконец на вражеской стороне появился какой-то гнусный тип, который три раза подряд выпустил в их сторону греческий огонь. И не отрази Гийом из Буна щитом летевшую в него бочку с огнем, то, попади пламя на его одежду, он, конечно, сторел бы заживо.

В нас летела туча дротиков, которые, по счастью, не поразили сержантов. Мне повезло найти сарацинский плащ, подбитый хлопковой ватой. Я вывернул его наизнанку и использовал как щит. Он сослужил мне хорошую службу, потому что вражеские дротики ранили меня всего лишь пять раз, хотя мой конь получил пятнадцать ран. Один толковый парень из Жуанвиля передал мне знамя с моим гербом у острия копья, и каждый раз, когда мы видели, что сарацины подступают к оруженосцам, мы атаковали и обращали врага в бегство.

Добрый граф де Суасон, которого трудно было смутить даже в такой момент, подшучивал над нашим положением и весело сказал мне: «Сенешаль, пусть эти псы воют сколько хотят. Да видит Бог – это было его любимым выражением, – мы еще вспомним этот день, сидя дома с нашими женщинами!»

Вечером, когда солнце уже садилось, прибыл коннетабль с отрядом пеших королевских арбалетчиков, которые выстроились перед нами. Когда сарацины увидели, как они, упираясь ногой в стремя своих арбалетов, натягивают тетивы, они оставили нас в покое и поспешно отступили. Коннетабль сказал мне: «Сенешаль, сделано хорошее дело. А теперь отправляйтесь к королю и не отходите от него, пока он не вернется в свой шатер». Когда я оказался рядом с королем, к нему подошел Жан де Валери и сказал: «Ваше величество, сеньор Шатийон просит вас поручить ему командование аррьергардом». Король охотно согласился. Пока мы ехали, я заставил его снять шлем и дал ему свой наголовник, чтобы он подышал свежим воздухом.

После того как король пересек реку, брат Анри де Рони, провост (настоятель, управляющий. – Ред.) госпитальеров, подошел к нему и поцеловал руку в железной перчатке. Король спросил, есть ли у него какие-то известия о графе д'Артуа, на что провост ответил, что да, новости у него имеются, ибо он не сомневается, что брат его величества ныне находится в раю. «О, ваше величество, – добавил провост, – утешьтесь мыслью, что никто из королей Франции не удостоился такой чести, как вы сегодня. Ибо, желая вступить в схватку с врагом, вы перешли реку, полностью разгромили его и заставили бежать с поля битвы. Кроме того, вы захватили их метательные машины, а также шатры, в которых вы сегодня проведете ночь». – «Да благословит Бог все, что Он дал мне», – ответил король, и из глаз его покатались большие слезы.

Когда мы достигли лагеря, то увидели, что группа пеших сарацин тянет канаты шатра, который они только что сняли, а наши тянут с другой стороны. Настоятель храмовников (тамплиеров) и я поскакали к ним, враг бежал, и шатер остался в наших руках.

В ходе сражения этого дня было много даже весьма достойных воинов, которые постыдно бежали через маленький мост, о котором вы знаете; они были настолько охвачены паникой, что все наши попытки остановить их были тщетны. Я мог бы назвать их имена, но воздерживаюсь, потому что ныне все они мертвы.